

АЛИ ХЕЙЗЕЛВУД

ГИПОТЕЗА ЛЮБВИ

Перевод Натальи Болдыревой

18+

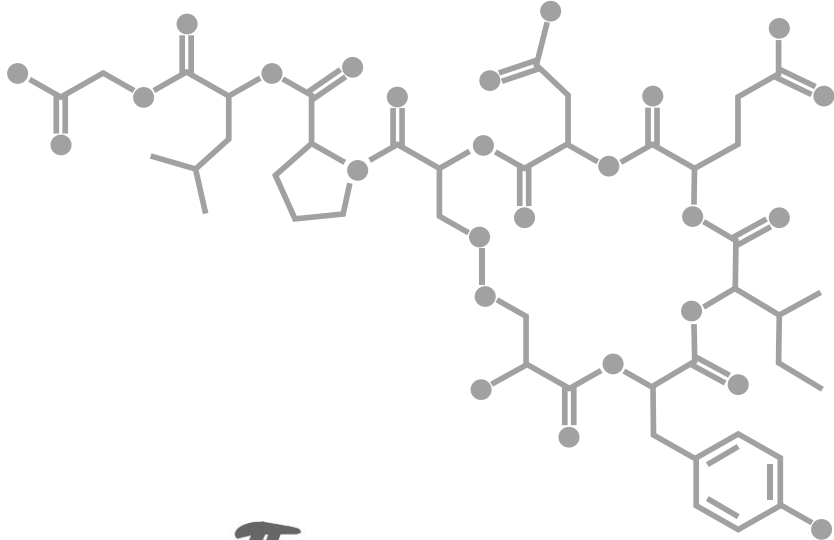
роман

МИО®

Гипóтеза (сущ.)

Предположение или предполагаемое объяснение, сделанное на основе ограниченных данных в качестве отправной точки для дальнейшего исследования.

Пример: «Основываясь на имеющейся информации и собранных до сих пор сведениях, я выдвигаю следующую гипотезу: чем дальше я буду держаться от любви, тем мне будет лучше».

Пролог

Если откровенно, Оливия не могла толком ничего решить по поводу аспирантуры.

Не потому, что ей не нравилась наука. Еще как нравилась. Наука была ее *призванием*. И не из-за множества очевидных факторов риска. Оливия прекрасно понимала, что долгие годы непрестижной, низкооплачиваемой работы по восемьдесят часов в неделю могут скверно сказаться на ее психическом здоровье. Что ночи, проведенные перед горелкой Бунзена в попытке добыть ничтожный кусочек знаний, возможно, не станут ключом к счастью. Что посвятить свой разум и тело научным изысканиям, лишь изредка прерываясь на то, чтобы стащить оставленный без внимания рогалик, — возможно, не самый мудрый выбор.

Оливия это прекрасно понимала, однако все эти обстоятельства ее не волновали. Или, может, чуть-чуть волновали, но она могла с ними справиться. И все же что-то мешало ей спуститься в самый жуткий и изматывающий круг ада: взяться за диссертацию. Вернее,

мешало до тех пор, пока она не пошла на собеседование на биологический факультет Стэнфорда и не встретила Того Парня.

Парня, чье имя она так и не узнала.

Парня, с которым она познакомилась, когда наугад забрела в первую попавшуюся уборную.

Парня, который спросил:

— Просто любопытно: вы плачете в моем туалете по какой-то особой причине?

Оливия взвизгнула. Потом попыталась открыть глаза, но ей это почти не удалось. Ее взгляд был затуманен. Она видела лишь размытый контур: кто-то высокий, темноволосый, одетый в черное и... да. Это все.

— Я... это женский туалет? — спросила она, запинаясь.

Пауза. Молчание. Затем:

— Не-а. — Голос у него был глубокий. Такой глубокий. По-настоящему глубокий. *Чарующе* глубокий.

— Вы уверены?

— Да.

— Точно?

— Абсолютно, поскольку это туалет моей лаборатории.

Что ж. Он загнал ее в угол.

— Мне так жаль. Вам нужно... — Она указала в сторону кабинок или туда, где, по ее мнению, находились кабинки.

Глаза щипало, даже когда они были закрыты, и Оливии пришлось зажмуриться, чтобы притупить жжение. Она попыталась вытереть щеки рукавом, но ткань ее платья, дешевая и хлипкая, почти не впитывала влагу — хлопок справился бы куда лучше. Ах, эти радости нищеты.

— Мне просто нужно слить реагент, — ответил Парень, но, кажется, не двинулся с места.

Может быть, потому, что она загоразивала раковину. Или потому, что Оливия показалась ему чокнутой и он подумывал натравить на нее охрану кампуса. И тогда ее мечтам об аспирантуре наступит быстрый и жестокий конец.

— Это помещение не используется как туалет. Тут только утилизируют отходы и моют оборудование.

— О, простите. Я думала... — Мало. Мало она думала, как и обычно. Это было ее проклятием.

— Вам нужна помощь?

Судя по всему, ее собеседник был огромного роста: его голос словно доносился с трехметровой высоты.

— Нет, все в порядке. А что?

— Вы плачете. В моем туалете.

— О, я не плачу. Ну, в некотором роде да, но это просто слезы, понимаете?

— Не понимаю.

Оливия вздохнула и прислонилась к кафельной стене.

— Это из-за контактных линз. Они давно просрочены, да и особо хорошими никогда не были. Они раздражали глаза. Я сняла их, но... — Она пожала плечами. Надеюсь, что жест был обращен в нужную сторону. — Они приходят в норму не сразу.

— Вы надели просроченные линзы? — Его голос звучал так, будто она нанесла ему личную обиду.

— Совсем немного просроченные.

— Что значит «немного»?

— Не знаю. На пару лет?

— *Что?!* — Согласные звучали резко и четко. Хрустяще. Приятно.

— Всего пару, я думаю.

— Всего пару *лет*?

— Все в порядке. Сроки годности — для слабаков.

Резкий звук, что-то вроде фырканья.

— Сроки годности нужны для того, чтоб я не нахо-
дил вас рыдающей в углу своего туалета.

Если этого чувака звали не мистер Стэнфорд, ему сто-
ило прекратить уже называть это место «своим туалетом».

— Все в порядке. — Она махнула рукой. И заката-
ла бы глаза, если бы они не горели. — Жжение обычно
длится всего несколько минут.

— Хотите сказать, что вы и раньше так делали?

Оливия нахмурилась.

— Как «так»?

— Надевали просроченные линзы.

— Конечно. Они стоят недешево.

— Глаза тоже стоят недешево.

Хм. Резонно.

— Послушайте, мы не встречались? — спросила
Оливия. — Может, прошлым вечером, на ужине для по-
тенциальных аспирантов?

— Нет.

— Вас там не было?

— Это не мое.

— А как же бесплатная еда?

— Не стоит светских разговоров.

Может, он сидел на диете — ну какой аспирант
иначе скажет подобное? А Оливия была уверена, что
этот парень — аспирант. Надменный снисходитель-
ный тон выдавал его с головой. Все аспиранты были
такими. Они считали себя лучше окружающих лишь
потому, что их наделили сомнительным преимуще-
ством: убивать во имя науки плодовых мушек и полу-
чать за это девяносто центов в час. В мрачном, тем-
ном аду научного мира аспиранты занимали низшую
ступень иерархии, и потому им приходилось убеждать
себя, будто они — лучшие. Оливия не была клиниче-
ским психологом, но, по ее мнению, такое поведение
выглядело как хрестоматийная защитная реакция.

— Вы проходите собеседование в аспирантуру? — спросил Парень.

— Ага. На поток следующего года по биологии. — Боже, как же жгло глаза. — А вы? — спросила она, прижав к векам ладони.

— Я?

— Как давно вы тут?

— Тут? — Пауза. — Шесть лет. Плюс-минус.

— О. Значит, скоро защита?

— Я...

Она уловила неуверенность в его голосе и тут же почувствовала себя виноватой.

— Погодите, вы не обязаны отвечать. Первое правило аспиранта: не спрашивай у других аспирантов о дедлайнах по диссертации.

Прошла секунда. Еще одна.

— Верно.

— Прошу прощения. — Как жаль, что она его не видела. Общаться и так сложно, а тут еще приходилось вести беседу без визуальных подсказок. — Не хотела уподобляться вашим родителям на День благодарения.

Он тихо рассмеялся.

— У вас бы и не получилось.

— О. — Она улыбнулась. — Назойливые родители?

— А дни благодарения — еще хуже.

— Вот чего вы, американцы, добились, оставив Содружество наций. — Она протянула руку, надеясь, что сделала это в нужном направлении. — Кстати, я Оливия.

Она уже начала гадать, не представилась ли водопроводной трубе, и тут услышала, как Парень подходит ближе. Рука, обхватившая ее ладонь, была сухой, теплой и такой большой, что в ней поместился бы весь ее кулак. Должно быть, все в нем внушительно — рост, пальцы, голос.

Это было даже приятно.

— Вы не американка? — спросил он.

— Канадка. Слушайте, если вам случится поговорить с кем-нибудь из приемной комиссии, не могли бы вы не упоминать о моем инциденте с линзами? А то я покажусь им не таким уж блестящим соискателем.

— Вы так думаете? — спросил он со скрытой насмешкой.

Оливия пронзила бы его взглядом, если бы могла. Хотя, вероятно, она и так неплохо справилась, потому что он рассмеялся — точнее, чуть усмехнулся, но она расслышала. И это ей даже понравилось.

Парень отпустил ее руку, и она поняла, что все это время сжимала его ладонь. Упс.

— Планируете поступать? — спросил он.

Оливия пожала плечами.

— Не факт, что меня возьмут.

Но она действительно поладила с преподавательницей, которая проводила собеседование, доктором Аслан. Оливия запинаясь и мямлила гораздо меньше обычного. Кроме того, ее средний балл и оценки на вступительных экзаменах были почти идеальны. Иногда отсутствие личной жизни играло на руку.

— Планируете ли вы поступать, если пройдете отбор?

Отказываться было бы глупо. В конце концов, это же Стэнфорд — одна из лучших аспирантур по биологии. Или, по крайней мере, так твердила себе Оливия в попытках скрыть ужасающую правду.

Ведь на самом деле она так и не решила, хочется ли ей в аспирантуру.

— Я... может быть. Честно говоря, трудно разобрать, что в этой ситуации блестящий карьерный выбор, а что — трагическая ошибка.

— Похоже, вы склоняетесь к ошибке. — Казалось, он улыбался.

— Нет. Ну... Я просто...

— Вы просто?..

Она закусил губу.

— Что, если я не потяну? — выпалила она.

Почему, о боже, *почему* она открыла самые глубинные тайные страхи своего маленького сердца этому случайно-му парню в туалете? Да и какой вообще в этом был смысл? Всякий раз, когда она высказывала свои сомнения друзьям и знакомым, те автоматически начинали подбадривать ее одинаковыми банальными и бессмысленными фразами: «Все будет хорошо. Ты сможешь. Мы в тебя верим». Этот парень наверняка сделает то же самое.

Вот сейчас он скажет...

Вот-вот. С секунды на секунду...

— Зачем вам это нужно?

Э-э-э-э...

— Нужно... что?

— Получить степень. Какова причина?

Оливия откашлялась.

— У меня всегда был пылливый ум, аспирантура для него — идеальная среда. Она даст мне важные навыки широкого применения...

Парень фыркнул.

— Что? — спросила она, нахмурившись.

— Не надо пересказывать методичку по подготовке к поступлению. Зачем *вам* докторская степень?

— Это правда, — неуверенно возразила она. — Я хочу отточить свои исследовательские способности...

— Потому что не знаете, чем еще заняться?

— Нет.

— Потому что не получилось устроиться в фирму?

— Нет... Я даже не пыталась.

— Хм.

Он шагнул вперед. Большая размытая фигура встала возле нее, чтобы вылить что-то в раковину. Оливия по-

чувствовала запах эвгенола, стирального порошка и чистой мужской кожи. Неожиданно приятное сочетание.

— Мне нужно больше свободы, чем в корпоративном мире.

— У вас не будет особой свободы в академии. — Его голос звучал ближе, как будто он еще не отошел. — Придется финансировать свою работу за счет исследовательских грантов, за которые идет нелепая борьба. На любой офисной работе вам будут платить больше, к тому же тогда слово «выходные» не будет для вас пустым звуком.

Оливия нахмурилась.

— Вы уговариваете меня отказаться? Это что, какая-то кампания против тех, у кого линзы с истекшим сроком годности?

— Не-а. — Она услышала, что ее собеседник улыбается. — Позволю себе предположить, что это была просто ошибка.

— Я ношу их постоянно, и они почти никогда...

— В длинной череде ошибок, очевидно. — Он вздохнул. — Вот что я вам скажу. Я понятия не имею, потянете вы или нет, но не это должно вас волновать. Академия — это куча вложений с мизерным выхлопом. И важно, достаточно ли веские у вас причины для того, чтобы стремиться в академические круги. Итак, почему же аспирантура, Оливия?

Она задумалась, и еще подумала, а потом — еще. И осторожно начала:

— У меня есть вопрос. Конкретный вопрос для исследования. Я кое-что хочу выяснить. — Вот. Готово. Это и был ответ. — Что-то, что, я боюсь, никто не откроет, кроме меня.

— Вопрос?

Оливия почувствовала движение воздуха и поняла, что теперь Парень стоит, прислонившись к раковине.

— Да. — Во рту у нее пересохло. — Кое-что важное для меня. И... я не доверю это никому больше. Потому что никто до сих пор этим не занимался. Потому что... — *Потому что случилось нечто ужасное. Потому что я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы такого больше не происходило.*

Тяжело было думать об этом в присутствии незнакомца, в темноте под закрытыми веками. Поэтому она открыла глаза: все оставалось слегка размытым, но жжение почти прошло. Парень смотрел на нее. Может, немного нечеткий по краям, но такой *близкий*, он терпеливо ждал, пока она продолжит.

— Это важно для меня, — повторила она. — Исследование, которое я хочу провести.

Оливии было двадцать три, и она была одна в целом мире. Она не хотела выходных или достойной зарплаты. Она хотела повернуть время вспять. Она не хотела быть такой одинокой. Но поскольку это было невозможно, она решила, что хочет исправить то, что можно исправить.

Он кивнул, но ничего не сказал, потом выпрямился и сделал несколько шагов по направлению к двери. Очевидно, он собирался уйти.

— Это достаточно веская причина, чтобы пойти в аспирантуру? — крикнула она ему вслед, ненавидя себя за то, что так страстно жаждет одобрения. Вполне возможно, что у нее был какой-то экзистенциальный кризис.

Парень помедлил и оглянулся.

— Это лучшая причина. — Она решила, что он улыбается. Или что-то вроде того. — Удачи на собеседовании, Оливия.

— Спасибо.

Он уже почти вышел.

— Может, увидимся в следующем году, — пробормотала она, слегка покраснев. — Если я пройду. Если вы еще не выпуститесь.

— Может быть, — услышала она в ответ.

С этими словами Парень ушел. А Оливия так и не узнала его имени. Но через несколько недель, когда биологический факультет Стэнфорда предложил ей место, она приняла предложение. Не колеблясь.

